

МИФ О РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.В. СВИРИДОВА: АРХЕТИП ГЕРОЯ

Представленная статья посвящена рассмотрению творчества выдающегося русского композитора XX-го века Г.В. Свиридова в мифологическом ключе. Объектом внимания в данной статье является один из базовых архетипов мифологической картины мира – архетип героя, реализованный в музыке Свиридова в образе Поэта.

Сочинения Г.В. Свиридова образуют единое музыкально-поэтическое целое, которое можно именовать «мистической песнью о России» или, говоря словами самого композитора, – «мифом о России» [4, с. 404]. Творчество Свиридова удивительно цельно: произведения разных лет объединены единым «сюжетом», раскрывающим авторское видение истории России XX века и, прежде всего, такого ключевого явления в ее судьбе, как Революция 1917 года и последовавшая затем Гражданская война.

Так, «сюжетная линия» прослеживается в следующем ряду сочинений. *Мир крестьянской Руси, истоки народного бунта* – «Курские песни», сл. народные (1964), «Деревянная Русь», сл. С. Есенина (1964), «Весенняя кантата», сл. Н. Некрасова (1972); *Революция и Гражданская война* – «Поэма памяти Сергея Есенина» (1955-1956), «Патетическая оратория», сл. В. Маяковского (1957-1959), «Светлый гость», сл. С. Есенина (1962-1990-е); *попытка построения нового революционного мира, земного Рая* – «Патетическая оратория», «Светлый гость»; *духовный путь и преображение России* – «Отчалившая Русь», сл. С. Есенина (1977), «Петербург», сл. А. Блока (1995).

Создавая свой музыкально-поэтический миф о России, Свиридов тщательно «прорабатывал» поэтические первоисточники, избирая лишь те стихи, которые соответствовали его художественному видению. Так сложился единый поэтический метатекст, который и станет объектом исследования в данной работе.

В музыкально-поэтической картине мира, образуемой произведениями Свиридова, претворены базовые мифические архетипы¹: архетип творения, архетип героев и демиургов, архетип приобщения. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении архетипа героя.

Центральный герой сотворенной Свиридовым музыкально-поэтической картины мира – Поэт, чьими устами ведется «повествование» о Родине. В трактовке композитора этот герой сближается с героями мифа. Поэт наделяется магической силой (к примеру, Орфей, Садко), «сверхзрением» – он способен познать вселенную «в пространстве и во времени» [3, с. 668], тем самым Поэт уравнивается с пророком, «тайновидцем».

В свиридовском мифе Поэт становится проводником божественной воли, ему открывается будущее; однако Поэт-пророк неизбежно должен пройти через испытания. Из них и складывается в музыке Свиридова «сказание» о жизни Поэта: от чудесного рождения до смерти.

«Повествование» о чудесном рождении Поэта представлено в 6-й части «Поэмы памяти Сергея Есенина» («Ночь под Ивана Купала»).

Упоминание о празднике Ивана Купалы, сближенном в христианской традиции с праздником Рождества Иоанна Предтечи, указывает на связь Поэта с древнейшими – как языческими, так и христианскими – корнями культуры Древней Руси, причем подчеркивается кровный характер этой связи. Таинство рождения Поэта происходит как бы на перекрестье языческих и христианских традиций, то есть в узловой точке исторической судьбы России. Рождение героя приурочено к кануну церковного праздника – Рождества Иоанна Предтечи. Тем самым, обозначается особое призвание Поэта,

¹ Архетипы – предельно устойчивые, фундаментальные, архаические и общечеловеческие мифические мотивы, составляющие основу содержания мифической картины мира (см.: [1]).

отмеченного уже в момент рождения неким знаком свыше, – призвание пророка, о чем говорит соотносительность Поэта с Иоанном Предтечей. Поэту-Пророку дано предчувствие грядущих событий – предчувствие Катастрофы, из которой суждено явиться новому миру. Возможна еще одна параллель. Подобно тому, как Иоанн Креститель предвосхитил пришествие на землю Иисуса Христа и проповедовал приближение Царства Небесного, Поэт в своем творчестве предугадывает грядущее и пророчит приход нового мира.

В соответствии с образами поэтического текста форма 6-й части «Поэмы» складывается из двух разделов: ожидание родов («матушка в Купальницу по лесу ходила») и собственно рождение героя: «родился я с песнями в травном одеяле, зори меня вешние в радугу свивали». Тем самым, в поэтическом тексте раскрывается мысль об изначальной сопричастности героя красотам родной природы.

Поэтический мотив прощания героя с детством, а одновременно и с родным домом представлен в 1-й части кантаты «Деревянная Русь»: «прощай, родная пуца, прости, златой родник», «под брюхом жеребенка в глухую ночь не спать и радостью звонкой лесов не оглашать». Прощаясь с беззаботной юностью, Поэт предугадывает грядущие перемены в своей судьбе и судьбе Родины, изрекая пророческие слова – «и не избегнуть бури, не миновать утрат, чтоб прозвенеть в лазури кольцом незримых врат».

«Повествование» о странничестве Поэта запечатлено в разных произведениях: это – 2-я часть поэмы «Отчалившая Русь», 3-я часть «Поэмы памяти Сергея Есенина», 3-я часть кантаты «Деревянная Русь».

Так, во 2-й части поэмы «Отчалившая Русь» поэтический мотив пути сопряжен с мотивом разлуки: «я покинул родимый дом, голубую оставил Русь»; «я не скоро, не скоро вернусь!».

Жизнь Поэта как дорога через «избы деревень», «сибирские горы», «Мордву и Чудь» – то есть через просторы Родины – раскрывается в 3-й части «Поэмы памяти Сергея Есенина» («В том краю ...»). Разделяя свою судьбу с судьбой своей страны, Поэт «примеряет» на себя бунтарский, разбойничий образ (как один из ликов родного народа): «и идут по той дороге люди <...>, полюбил я грустные их взоры с впадинами щек»; «но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист»; «и меня по ветряному свею, по тому ль песку, поведут с веревкою на шее полюбить тоску».

В 3-й части «Деревянной Руси» («Я странник убогий ...») образ Поэта-странника трактуется в аспекте паломничества. В поэтическом тексте земной путь Поэта раскрывается как служение Богу («пою я о боге», «молюсь в синеву», «на сердце лампадка, а в сердце Исус!»), а окружающая героя природа предстает как храм, где все живое воспеваает Бога («поют быстровины про рай и весну»).

Сюжетный мотив испытаний героя раскрывается в 6-й и 7-й частях «Отчалившей Руси». В 6-й части «Симоне, Петр ...» представлен сюжетный мотив предательства, выраженный в поэтическом тексте через евангельскую историю отречения Петра (подробнее см.: [2]): «Симоне, Петр ... Где ты? Приди»; «Крикнул – и громко вздыбился мрак. Вышел с котомкой рыжий рыбак»; «"Кто ты?" – "Иуда", – шамкнул прибой».

«Повествование» об испытаниях героя продолжено в 7-й части «Отчалившей Руси» («Где ты, где ты, отчий дом ...»), где раскрывается трагедия потери родного дома. Поэтические образы этой части можно сопоставить с образами 7-й части «Поэмы памяти Сергея Есенина» («1919 год»). Однако, если утрата родного мира крестьянской Руси в «Поэме памяти С. Есенина» связана с событиями Гражданской войны («на родимой стороне никто жить не рад», «опустели огороды, хаты брошены», «где теперь, мужик, ты приют найдешь?») и мольба исходит от имени всего народа, то в «Отчалившей Руси» социально-исторические аспекты происходящего остаются за рамками повествования, на первый план выходит переживание личной трагедии Поэта, осознание неизбежности и невозвратности утраты: «время – мельница с крылом», «этот дождик с сонмом стрел в тучах дом мой завертел, голубой скосил цветок, золотой примял песок».

Мистическая грань образа Поэта, а именно его способность общаться с высшими силами, быть проводником божественной воли, раскрывается в «Патетической оратории».

В 1-й части этого произведения явлен образ Поэта-оратора, стоящего у истоков рождения нового мира, Поэта-пророка, ведущего за собой народ: «Разворачивайтесь в марше!»; «довольно жить законом, данным Адамом и Евой!». Сакральный аспект происходящего проявляется в третьей строфе формы, поэтический текст которой – это по сути «вызов» Поэта небесным сферам, попытка обожествления человека: «скушно звезд небу! Без него наши пенсии вьем. Эй, Большая Медведица! Требуи, чтобы на небо нас взяли живьем».

В 6-й части «Патетической оратории» («Разговор с товарищем Лениным») развертывается монолог-вопросание Поэта, который можно уподобить молитве как сакральному акту общения пророка с божеством: образ Ленина уподобляется мифологизированному образу героя высшего ранга. Обращение Поэта к фотографии («я и Ленин – фотографией на белой стене») вызывает образную параллель с молитвой перед иконой. Поэт выступает от имени коллективного Я=Мы, как «представитель воли низа» (В. Маяковский); в то же время «речь» Поэта эмоционально насыщена, – это высказывание не только народной воли, но и *личных* чувств: «я вам докладываю, но не по службе, а по душе», «вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем!».

В свиридовском музыкальном мифе Поэт выступает не только как проводник божественной воли, но и как **носитель божественного дара – носитель творческой энергии**. Миссия Поэта – вскрывать творческое начало жизни, пробуждать людей от сна мирского, явить миру Красоту и Истину. В то же время на Поэта возложена огромная ответственность за то, как он распорядится этим даром.

Так, в 9-й части «Пушкинского венка» **творческий путь Поэта уподобляется духовному подвигу монаха-отшельника**. Только отринув мирскую суету, можно быть готовым к восприятию Истины мира; чтобы «глаголом жечь сердца людей», нужно сначала «пробудиться» самому: «восстань, боязливый», «сердечной молитвой, пророк, удали печальные мысли, лукавые сны!», «небесную книгу до утра читай».

Ответственность Поэта за свой творческий дар перед Вечностью раскрывается в 3-й части кантаты «Снег идет» стихами Б. Пастернака: «не спи, не спи, художник, не предавайся сну. Ты вечности заложник у времени в плену».

Несколько в ином ключе трактуется тема творчества в 7-й части «Патетической оратории» («Поэт и солнце»). 7-я часть воспринимается как своеобразный **гимн творчеству**, где дар Поэта сравнивается с силой небесного светила: «я буду солнце лить свое, а ты – свое, стихами»; «светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей! Вот лозунг мой – и солнца!». При этом творчество, по мысли композитора Свиридова, как и поэта Маяковского, не отделимо от труда и от ответственности за свое дело. Для композитора одним из важнейших завоеваний революции было вскрытие творческого потенциала жизни, предоставленная революцией возможность для каждого человека раскрыть свои творческие силы.

Если в 1-й части «Патетической оратории» Поэт взывает к небесным сферам («Эй, Большая Медведица!»), то в 7-й части он получает «ответ» на свое обращение («Пойдем, поэт, взорлим, воспоем»). Тем самым, устанавливается мистическая связь между земным и небесным мирами, транслятором которой выступает Поэт.

В творчестве Свиридова **Поэт трактуется как проводник между земным (текущим) временем и вечностью**. С одной стороны, Поэт выступает хранителем памяти своего народа, с другой – именно Поэту через творческое озарение может быть открыта Истина мира, Божественная воля.

Образ Поэта-мыслителя, прикоснувшегося к тайне вечности, раскрывается в 7-й части «Пушкинского венка». Строки поэтического текста, отобранные композитором,

рисуют образ Поэта как хранителя памяти («там, где тихо развивался я давнишнею порой»), хранителя истории и культуры («из рук моих ветхий Данте выпадает»); образ Поэта, находящегося на пороге Вечности, где сон подобен смерти («дух далеко улетает») и где предел уже обозначен («зорю бьют»).

Наделенный «сверхзрением» – мистическим даром свыше – Поэт пророчествует о грядущем родной страны.

Так, **«молитва» героя – молитва Поэта-пророка, «тайновидца»** – слышится во 2-й части кантаты *«Светлый гость»*. Поэтический текст части – это и пророчество о грядущих изменениях в судьбе родины (ожидание как божественного чуда, так и вселенской катастрофы), и моление о заступничестве за Россию: «Господи, я верую!.. Но введи в свой рай дождевыми стрелами мой пронзенный край»; «по тебе молюся я из мужичьих мест, из прозревшей России он несет свой крест»; «нет за ним апостолов, нет учеников».

Видения Поэта-тайновидца запечатлены в поэмах «Отчалившая Русь» и «Петербург».

Стихи С. Есенина (в т.ч. отрывки из малых поэм – так называемой «есенинской библии») и А. Блока, отобранные композитором, насыщены библейской символикой. В поэтический текст обеих поэм, «смонтированный» композитором, вводятся апокалипсические образы, а в «Отчалившей Руси» к тому же «читается» сюжет Страстей (подробнее об этом см.: [2]).

В 9-й, 11-й, 12-й частях «Отчалившей Руси» и в 4-й, 9-й частях «Петербурга» **Поэт, подобно ветхозаветным пророкам и Иоанну Богослову, пророчествует грядущий Апокалипсис, Преображение родной земли.**

Видение последних, предапокалипсических времен дано в 4-й части «Петербурга» (*«Голос из хора»*): «о, если б знали вы, друзья, холод и мрак грядущих дней!»; «и век последний, ужасней всех» («открываю тебе, что будет в последние дни гнева» [Дан 8: 19]); «лжи и коварству меры нет, а смерть далека» («когда отступники исполнят меру беззаконий своих, восстанет царь наглый и искусный в коварстве» [Дан 8: 23]); «все будет чернее страшный свет, и все безумней вихрь планет еще века»; «ты будешь солнце на небо звать – солнце не встанет» («звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим» [Ис 13: 10]).

Поэтический текст 9-й части «Отчалившей Руси» раскрывает образы **Страшного суда**: «трубит погибельный рог» («И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить» [Откр 8: 6]), ожидание гибели, приход «индустриального» зверя – «вот он с железным брюхом» («и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами» [Откр 13: 1]). Подчеркнем, что соединение апокалипсической и индустриальной образности характерно и для 9-й части «Поэмы памяти Сергея Есенина»: «На тропу голубого поля скоро выйдет железный гость. Злак овсяный, зарею пролитый, соберет его черная горсть».

Ожидание наступления Царства небесного запечатлено в заключительной части поэмы «Петербург» (*«Богоматерь в городе»*) в явлении предзнаменований – появление Богородицы со святым Младенцем в «черном городе».

Пророчество Поэта о грядущем после Страшного суда преобразении – вхождении родной Руси в Рай звучит в 11-й и 12-й частях «Отчалившей Руси»: «о верю, верю, счастье есть», «пророчит благодатную весть», «счастливый и неисходный час», «чтоб жаждающие бденье бессмертьем напились» («И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали <...> увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба» [Откр 21: 1-2]; «жаждущему дам даром от источника воды живой» [Откр 21: 6]).

Божественное откровение, весть о Спасении, вложенная в уста Поэта, звучит в 12-й части «Отчалившей Руси». Здесь запечатлено уже не ожидание, но крепкая вера в грядущее [неизбежное] Преображение России: «святись преполовением и рождеством

святись, чтоб жаждущие бденья бессмертьем напились»; «и ни единый камень, через пращу и лук, не подобьет над нами подъять божьих рук».

В 12-й части вскрывается и сакральный смысл пророческого пути Поэта на земле. Именно на Поэта возложена миссия – нести божественное слово, ведущее к спасению, возвещать Истину: «тебе, твоим туманам и овцам на полях, несущим, как снопы овсяный, я солнце на руках».

Образ Поэта, подступающего к последнему пределу своего жизненного пути, представлен в 10-й части «Отчалившей Руси» и в 9-й части «Поэмы памяти Сергея Есенина». Схожи поэтические образы этих частей: увядание природы – символ угасания сил героя, предчувствие своего ухода («по-осеннему кычет сова»; «облетает моя голова»; «скоро месяц, купаясь в снегу, сядет в редкие кудри сына»; «без меня будут юноши петь»; «я последний поэт деревни»; «за прощальной стою обедней кадящих листвою берез»; «из телесного воска свеча»; «часы деревянные прохрипят мой двенадцатый час»). Однако, если в 10-й части «Отчалившей Руси» время угасания жизненных сил воспринимается как неизбежный этап, то в «Поэме памяти С. Есенина» уход Поэта связан с разрушением мира крестьянской Руси, вне которого герой себя не мыслит.

Таким образом, можно констатировать, что в совокупной целостности произведений Г.В. Свиридова «читается» история жизни (жития) Поэта. Каждое из музыкально-поэтических сочинений дополняет другие – высвечивает одну из граней многомерного образа. При этом Поэт предстает и как свидетель свершений в судьбе Родины, и как провозвестник устремлений народа, и как пророк, и как демиург. Неслучайно, что само значение «мастер», «ремесленник» (т.е. демиург) заложено в греческом слове «поэт». Поэт-демиург является носителем творческой силы, трактуемой в космологическом ключе, – силы, уподобленной энергии небесных светил: Поэт творит мир, но в поэтическом воплощении. Примечательно, что в свиридовской трактовке образа Поэта высвечивается буквальное значение греческого слова «демиург» – «творящий для народа».

Итак, все вышеизложенное позволяет заключить, что созданный композитором Свиридовым образ Поэта-Пророка в полной мере выражает один из основных мифологических архетипов – архетип героя.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира. Т. 1. – М., 1991. – С. 110-111.
2. Ефимова И.В. Георгий Свиридов на пути к «Песнопениям и молитвам» // Свиридовские чтения. Г.В. Свиридов и судьбы русской культуры. Сборник докладов по материалам Всероссийской студенческой научно-практической конференции, 19-20 ноября 2008 г. – Курск, 2010. – С. 42-50.
3. Поэт.// Мифология. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М., 1998. – С. 668-669.
4. Свиридов Г.В. Музыка как судьба / Сост. А.С. Белоненко. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 800 с.